

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ ОРФЕЯ В ЛИРИКЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Н.Г. АРЕФЬЕВА
АСТРАХАНСКИЙ ГУ

К мифу об Орфее обращались многие поэты серебряного века (В.Соловьев, Вяч.Иванов, М.Цветаева, В.Ходасевич, М.Волошин и др.). Не был исключением и В.Брюсов, который на протяжении своего творческого пути не расставался с образом Орфея.

В юношеском стихотворении русского символиста «Уныние» (1893) впервые обнаруживаются отголоски мифа об Орфее:

Пусть во мраке неуверенном
Плачут призраки вокруг,
Пусть иду, в пути затерянный,
Через темный, страшный луг [2:
I, 35].

«Темный, страшный луг», мрак, плачущие вокруг призраки – все эти мифопоэтические образы отсылают нас к одному из эпизодов древнегреческого мифа, в котором повествуется о прославленном певце, спустившемся в подземное царство за своей Эвридикой. Однако в стихотворении Брюсова речь идет о современном поэте как о достойном преемнике легендарного Орфея, кто даже в аду пел гимны земной жизни и

верил в волшебную силу своего искусства:

И тогда обманам преданный,
Счастлив грезой своей...
Буду петь мой гимн неведомый,
Скалы движа, как Орфей [2: I,
35].

Незавершенное поэтом стихотворение «Верные лире» (1916) перекликается с упоминаемым нами выше произведением В.Брюсова: оно тематически связано с поэзией, здесь также прослеживается мистическая связь создателей современной лирики с мифологическим «родоначальником» музыкально-поэтического искусства:

Порой вступали в глубь пещер,
Где слышен грозный рев чудовищ,
Но к свету вновь, зажав химер,
Входили с грудами сокровищ [2:
III, 356].

Как и Орфей, «верные лире» совершают подвиг, спускаясь в бездну, на самое дно – в ад. В стихотворении обнаруживаются отзвуки не только мифа об Орфее, но и преданий о Тезее и Беллефонте. Мифологические реми-

нисценции здесь имплицитны: имена героев не упоминаются, присутствуют лишь мифопоэтические образы («недра», «пещеры», «чудовища», «химеры», «подземные своды», «мгла», «призраки», «верх», «низ», «преисподняя»).

Таким образом, неназванные в стихотворении мифологические герои Орфей, Тезей и Беллерофонт как бы сливаются в единый образ идеального поэта. В поэтическом восприятии Брюсова у «преданных лире» помимо поэтического дара (Орфей) должен присутствовать властный дух завоевателя и бойца (Тезей и Беллерофонт).

Истинный поэт в своих исканиях всегда должен идти вперед, не останавливаясь, и продолжать творить свое искусство, даже если перед ним «раскрывается» ад:

Вверх или вниз, но путь идет,

Он с каждым шагом – безысходней...

Но все равно! вперед, вперед,

Поем и в недрах преисподней!
[2: III, 357]

В поэтический сборник В. Брюсова «Stephanos» (цикл «Правда вечная кумиров») вошло стихотворение «Орфей и Эвридика», обращенное на этот раз непосредственно к героям древнегреческого мифа. Произведение сочинено в форме диалога Орфея и Эвридики, поднимающихся из ада к свету. Напомним, Орфей,

идуший впереди своей жены, не должен был оглядываться – таково было условие Аида. Орфей, как повествуют античные источники, все-таки оглянулся, когда почти достиг поверхности земли. По-разному трактуется трагическая вина Орфея. Согласно самой распространенной версии, певец испугался, что Эвридика потерялась, так как шаги тени Эвридики были бесшумны.

В трактовке Брюсова иначе: Орфей знает, что любимая следует за ним:

Слышу, слышу шаг твой
нежный,

Шаг твой слышу за собой.

Мы идем тропой мятежной,

К жизни мертвенной тропой [2:
I, 385].

Но трагедия заключается в том, что возлюбленная поэта, покорно идущая за ним мертва не только физически, но и духовно. Ей не нужны ни свет, ни земные радости и чувства. И все-таки тот, кто сумел покорить даже царство Аида, не теряет надежду вдохнуть в ее душу жизнь:

Верь мне! Верь мне! У порога

Встретишь ты, как я, весну!

Я зажавший лирой – бога,

Песней жизнь в тебя вдохну! [2:
I, 386]

Однако все безуспешно: для Эвридики, приобщившейся к иному миру, жизнь на земле не имеет уже никакой ценности и смысла:

Ах, что значат все напевы

Знавшим тайну тишины!

Что весна, – кто видел севы
Асфоделевой страны! [2: I, 386]

В. Брюсов следуя традиции древнегреческого мифопоэтического мышления, изображает Эвридику как обительницу «асфоделевой страны». В представлении древних, царство мертвых скрывалось в глубинах земли, куда не проникали солнечные лучи: «Там раскинулась унылая равнина, поросшая бледными цветами дикого асфоделя» [3: 82]. По этой унылой долине протекали подземные реки, среди которых была Лета. Испив из реки забвения, души забывали о жизни на земле, и не испытывали никаких чувств и желаний, то есть для земной жизни они становятся мертвы. Именно такой представлена жена Орфея в стихотворении русского поэта. Вероятно, брюсовский герой, вступая в диалог с Эвридикой, пытается ее «расколдовать». Для Орфея борьба за любимую начинается в подземном царстве. Прежде всего он пытается вернуть ей память, потому что в этом залог победы жизни над смертью: память пробудит в ней земные чувства, земную страсть:

Вспомни, вспомни! Луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!

Вспомни, в ночи – потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк! [2: I,

386]

И Эвридика, уже лишенная всех земных привязанностей и эмоций, с трудом начинает вспо-

минать. Сначала в ее душе воскресают сны, то есть мечты или, может быть, смутные воспоминания о жизни, поэтому она называет их снами. Сны в мифопоэтической традиции аналогичны смерти. Следовательно, для Эвридики из асфоделевой страны бывшая земная жизнь теряет реальность и предстает как смерть:

Сердце – мертво, грудь недвижна.

Что вручу объятью я?

Помню сны, – но непостижна,

Друг мой бедный, речь твоя. [2: I, 386]

Примечательно, что магия искусства Орфея не в состоянии «покорить» Эвридику, она «не слышит» его голоса, очаровывающего все вокруг, ей непонятны песни Орфея, она не помнит волшебства его музыки.

И то, что она вспоминает, не вызывает в ней желания снова жить. Для Эвридики даже их всепоглощающая страстная любовь представляется всего лишь тихим сном: она забыла истинный лик своего земного возлюбленного:

Помню счастье, друг мой бедный,

И любовь, как тихий сон...

Но во тьме, во тьме бесследной

Бледный лик твой затемнен...

[2: I, 386]

Главного чуда не произошло – Орфею не удастся речами и песнями воскресить прежнюю любовь. И это приводит влюбленного Орфея в отчаяние. От

безысходности он поворачивается, чтобы любимая увидела его, быть может, тогда удастся в ее душе пробудить то чувство пламенной любви, что составляло их счастье на земле. И его страстный порыв заканчивается безвозвратной потерей Эвридики:

–Так смотри! – И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.

–Эвридика! Эвридика! –

Стонут отзвуки теней [I, 387]

Со стороны Орфея этот порыв был продиктован и безграничной любовью к Эвридике, и отчаянным желанием пробудить в ней прежнее чувство. Таким образом, запрет был нарушен персонажем этого стихотворения не из-за опасения, что Эвридика, покорно идущая за ним, исчезнет. Нет, Орфея охватило отчаяние, оттого что она так и осталась тенью. Эвридика не помнит их прежней любви, и все его попытки вывести ее из Аида, теряют всякий смысл.

Итак, запрет нарушен «в момент перехода рокового порога», они расстаются навсегда, но не по вине Орфея, а от нежелания Эвридики пробудиться к земной жизни, требующей от человека мужества и деятельности.

Произведение, построенное на мифологическом материале, по утверждению А.Белого, имело и современный подтекст. Поэт – «аргонавт» в своей книге «Начало века» (точнее, в главе «Орфей, изводящий из ада») пишет о том,

что стихотворение Брюсова «Орфей и Эвридика» было отчасти создано и под впечатлением непростых отношений А. Белого и Н. Петровской. Приведем небольшую выдержку из этой книги: «Она (Н.Петровская – Н.А) вызвала меня и с плачем, с револьвером в руке, с ядом в шкапчике и с уплотнением «символов» до материальности требовала, чтобы из «ада извел»; и неспроста В.Брюсов, узнавши из слов ее о наших разговорах об «Эвридике» ..., - неспроста он потом в своем стихотворении об «Эвридике» об Н***, ей подставил слова:

Ты – ведешь, мне – быть покорной,

Я должна идти, должна...

Но на взорах – облак черный,

Черной смерти пелена» [1: 311-312].

В своих воспоминаниях автор мемуаров пишет о том, что, будучи в близких отношениях с Н.Петровской, он (Белый – Н.А.) вообразил себя Орфеем, спасающим «родственную душу» Эвридику – Нину Ивановну.

По словам А. Белого, его дружба с нуждающейся в «наставнике» Петровской, «переходящая в нежное сочувствие, питала» его «утопией о себе как о целителе ее души...» [1: 306]. Общаясь, по словам А.Белого, с не совсем психически здоровой Петровской, юный поэт «вообразил ... Орфеем себя, изводящим Эвридику из ада» [1: 309].

Позднее некоторые мысли, которые «Орфей» развивал перед Н. Петровской, найдут свое отражение в его статье «Песнь жизни (1908): «Мы разучились летать...»; < ...>, «мы начинаем песнь нашей жизни»; «души наши – невоскресшие Эвридики... Орфей зовет свою Эвридику» [1: 311].

Как пишет в своей мемуарной книге А.Белый, Петровская в прямом смысле восприняла себя Эвридикой – возлюбленной и подругой «целомудренного» поэта: «Она ж поняла мои мысли о жизненной песне так, что ощутил я удар в лоб, как палицею: Эвридика – она-де! Я ж - Орфей, выводящий из ада ее! И совсем не тем способом, каким замыслил...» [1:311].

Свои разговоры с Белым, как, впрочем, и с другими «спасателями», она «выдавала в искаженном виде своему очередному confidentу» [1:311], в частности В.Брюсову. Мы считаем, что в «мифологическом» произведении В.Брюсова под маской Орфея скрывался и автор стихотворения, и его антагонист А.Белый. Образы двух таких разных поэтов как будто сливаются в этом стихотворении, но впоследствии в творчестве лидера символизма они будут изображены как два идейных врага: злой дух скандинавской мифологии Локи и светлый бог Бальдр (Бальдер), Рупрехт и Генрих.

«Черный маг» В. Брюсов по своему стремился спасти Н.Петровскую, которая, может быть, против воли тяготела к inferнальному миру. В этом она и сама признавалась В.Брюсову: «Я правду говорила тебе, что люблю «ад». Конечно, это были полужутливые слова, над которыми мы улыбались. Но в них доля серьезной, глубокой правды. Я люблю тот подъем всех сил души и тела, тот огонь, сгорая в котором уходишь от мира и знаешь, что «все ненужно, что земное», то опьянение, когда перестаешь замечать, что ходишь по земле. <...> Но что ж мне делать, Валерий, если, выпив яд иного способа существов<ания>, я не могу вернуться назад?» [5: 122].

Да и по утверждению «благородного Бальдра», Петровская была «из всех «Эвридик невоскресших» - наименее воскресшая...» [1: 311] Отметим, что новый Орфей-Брюсов тоже не смог вывести свою Эвридику к «солнцу»: жизненный ад ее уже поглотил; впрочем, и никому другому не удалось ее спасти...

В 1903 году В.Брюсов создает стихотворение «Орфей». На этот раз его привлекает мифологический эпизод, связанный с гибелью поэта, растерзанного вакханками. На наш взгляд, брюсовский Орфей сознательно «провоцирует» менад, призывавших его к «радостям жизни», совершить убийство:

И лиру взял, исполнен веры,
 Орфей среди безумных дев.
 Он им поет о Евридике,
 О страшных Орковых вратах...
 Но песню заглушают крики...
 Уж – камни в яростных руках.

И пал певец с улыбкой ясной [2:
 III, 281].

Напомним, что, пережив у выхода из подземного царства вторичную смерть жены, Орфей сделал еще одну попытку спуститься в Аид за любимой, но боги не позволили ему это сделать. Вероятно, для Орфея уход из жизни – это единственная надежда на скорую встречу с Эвридикой. Примечательно, что у Брюсова Орфей не расстается с лирой и на этот раз:

Но, не покинув лиры вещей,
 Поэт, вручая свой обол,
 Как прежде в Арго, в челн зло-
 вещий,

Дыша надеждой, перешел [2: III,
 281].

Можно предположить, что певец надеется не только встретиться с Эвридикой, но и предпринять новую попытку при помощи своих песен выбраться из царства мертвых, ибо велика магия искусства.

По версии Платона, боги наказали Орфея за то, «что он, как кифаред, слишком изнежен, если не отважился, как Алкестида, из-за любви умереть, а умудрился пробраться в Аид живым» [4: 337]. В «Орфее» Брюсов и показал любящего (в платоновском понимании) героя, способного ради любви добровольно пожертвовать своей жизнью.

Таким образом, в поэзии Брюсова Орфей прославляется и как великий певец, и как истинно любящий человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белый А.** Начало века. Воспоминания. В 3 кн. М., 1990. Кн. 2.
2. **Брюсов В.** Собрание сочинений: В 7 т. М., Худ. лит., 1971-1973. Т. I, III.
3. **Замаровский В.** Боги и герои античных сказаний: Словарь. М., 1994.
4. **Платон.** Пир // Платон. Избранные диалоги. М., 2002.
5. Петровская – Брюсову. 28 августа 1905 г. Москва // Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004.